

Первобытное искусство, аутизм и «полумозглый» кроманийонец²

Куценков П. А. Психология первобытного и традиционного искусства.
М.: Прогресс-Традиция, 2007. 231 с.

В современной науке явственно обозначилась тенденция к пересмотру всей прежней системы взглядов на палеолит и палеолитическое человечество. Представления о неуклонном прогрессивном развитии от простого к сложному — во всех без исключения сферах человеческой культуры — необратимо уходят в прошлое. Начиная со второй половины XX в. они стали все более вступать в противоречие с фактами. Упрощенный эволюционизм в исследованиях первобытности не способен более удовлетворить никого — ни идеалистов, ни материалистов.

Состояние, в котором находится современное палеолитоведение, можно охарактеризовать как «преддверие научной революции» (в терминологии Т. Куна). Подспудно идет формирование новой парадигмы. При этом решение накопившихся противоречий мыслится ученым по-разному. Предлагаются порой диаметрально противоположные его варианты.

Рецензируемая монография П. А. Куценкова явственно отражает один из таких вариантов радикального пересмотра взглядов на палеолит. Согласно ему, «кроманьонцев» следует рассматривать «как предков современного человека, но... не как готового человека, отличающегося от современного только меньшей информированностью» (с. 204). Автор следует в русле воззрений Б. Ф. Поршнева, возрождая его концепцию «прерывности» и уточняя лишь то, что «перерыв был не между неандертальцем (который не был биологическим предком *Homo sapiens sapiens*), а между палеолитическим «кроманьонцем» и мезолитическим человеком. Иными словами, максимальная продолжительность истории — не более 12 тыс. лет» (с. 205).

В подтверждение этих положений П. А. Куценков пытается опереться на данные психологии, нейропсихологии, психолингвистики и т. д. Памятники палеолитического искусства трактуются им как «единственный достоверный источник, позволяющий хоть в какой-то степени реконструировать мышление древнего человека... (курсив наш. — Авт.)» (с. 12).

Отвечая на вопрос о причинах появления в древнем каменном веке настоящих шедевров мирового искусства, автор примыкает к точке зрения американского психолога Н. Хамфри, согласно которому «...мышление создателей этих

² Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (рук. проекта М. В. Аникович).

произведений *отличалось* от мышления современного человека и предшествовало ему: оно не было символическим» (с. 63). Иначе говоря, древнейшие представители вида *Homo sapiens* рисовали гениально именно потому, что были «недочеловеками». Переход от реалистических изображений к схематическим, наблюдаемый в мезолите-неолите, можно рассматривать как свидетельство появления развитого языка и абстрактного мышления (Humphrey 1998).

В настоящий момент нас не интересует идеологическая подоплека таких представлений. Вопрос в другом: отражает ли обилие наукообразной терминологии, щедро рассыпанной по тексту П. А. Куценкова, действительно *научный* подход к анализу материала? Научный подход по самой своей сущности предполагает проверяемость выводов. Без этого любое построение, сколь бы вероятным оно не казалось с точки зрения «здорового смысла», является не научной теорией, а метафизической спекуляцией.

В самом начале книги автор выражает желание «...вырваться из той порочной методологии, что... заставляет исследователей воспроизводить одни и те же явно неработающие гипотезы» (с. 13). Что ж, посмотрим, какие новые пути предлагает он сам. Прежде всего, бросается в глаза то, что русская народная мудрость именуется кратко и емко: «телега поперед лошади». На языке науки это называется: выводы опережают анализ.

Во вводной части П. А. Куценков отвергает все гипотезы происхождения первобытного искусства, ранее введенные в науку. Без малейших колебаний он определяет степень их «близости к истине», как будто конечная истина уже кем-то ему открыта (с. 18–31). «У доисториков давно была возможность, — указывает он, — ...серьезно приблизиться к созданию реально действующей гипотезы происхождения и функционирования искусства верхнего палеолита. Надо было только осознать, что ни искусствознание, ни археология не способны, в силу естественной ограниченности своей методологической базы, дать ответы на вопросы, о которых речь шла выше. Тут необходима реконструкция психологии древнего человека...» (с. 34).

Вот эта посылка, на наш взгляд, и является тем порочным звеном, с которого неминуемо рассыпается вся цепочка дальнейших рассуждений. Мы, увы, неспособны понять, каким образом П. А. Куценков собирается «реконструировать психологию древнего человека», не зная в должной мере ни археологических источников, ни методов их анализа. А ведь это *единственные источники, несущие прямую информацию о палеолитическом человеке*. Тут невольно приходят на ум дела не очень давнего прошлого. В начале 1930-х годов идеологи вульгарного социологизма в СССР требовали от археологов «изучать не вещи, а общественные отношения». И бесполезно было объяснять, что для достижения этой цели требуется как раз *всесторонне изучить вещи, превратив их в источник информации об общественных отношениях*. Любая реконструкция — социологическая или палеопсихологическая — неминуемо повисает в воздухе, если проводить ее с нарушением основной процедуры исследования: от анализа источников к обобщению результатов.

Какой бы «ограниченной» ни казалась П. А. Куценкову методологическая база археологии, это не освобождает его от необходимости знать всю совокупность фактов и не замалчивать их, а последовательно анализировать — именно как источник информации о «материализованных проявлениях индивидуальной и групповой специфики мышления человека» (Волков 2010: 77).

Вопреки приведенным выше утверждениям автора, не только произведения искусства способны поведать нам о мышлении палеолитического человека. Важное значение имеют: а) характер его орудийной деятельности и связанных с ней форм поведения; б) характеристика мест обитания; в) различные формы символической деятельности (украшения, погребения и т. п.).

Кстати, «сравнительной палеопсихологией» в археологической литературе ныне предложено именовать такое направление исследований, которое включало бы: а) разработку экспериментальных методик, способствующих выявлению, фиксации и интерпретации различных стереотипов мышления и поведения древних людей; б) комплексный анализ уже известных археологических материалов под этим углом зрения (Волков 2000: 30–37; 2010: 74–88). П. А. Куценкову работы археологов в указанном направлении, вероятно, совершенно неведомы.

Разумеется, междисциплинарные разработки в данной области можно только приветствовать. Многие работы психологов представляют для палеолитоведов большой интерес. Но все они основаны, так или иначе, на современном материале. Попытки не только «опрокинуть выводы в прошлое», но и связать их с какой-то конкретной эпохой, в лучшем случае, гипотетичны и требуют большой осторожности. При этом незнание (или хуже — дилетантское полужнание) самой основы основ просто недопустимо. Иначе «новая методология» оказывается просто тенденциозной подборкой «подходящих» (но не всегда проверенных) предположений и цитат из работ ученых-смежников.

К чему это приводит, становится ясно на примере того, как П. А. Куценков «расправляется» с культурой палеолита. По его утверждению, все «...разговоры о “культуре” питекантропов и неандертальцев следует игнорировать, подобно сообщениям об изобретении вечного двигателя». И даже то, что представлено на верхнепалеолитических памятниках — это «одновременно и культура, и некультура, т. е. нечто совершенно невразумительное» (с. 61).

Имеются ли у нас какие-то данные, позволяющие охарактеризовать действия обитателей палеолитических стоянок, как *специфически человеческое поведение*? Начнем с такого известного всем критерия, как орудийная деятельность. Здесь мы отчасти согласны с П. А. Куценковым: указанный критерий был введен в науку недостаточно продуманно. Расколотая галька, найденная вблизи останков австралопитековых или *Homo habilis*, сама по себе не в состоянии указать, кто ее расколол — человек или высокоразвитая обезьяна. Однако П. А. Куценков утверждает: не только примитивные расколотые гальки, но практически все материалы эпохи палеолита бессильны поведать о «человеческой» специфике своих создателей. В разделе «Культура, орудия и труд» он сочувственно излагает взгляды Б. Ф. Поршнева, утверждавшего, что в основе изготовления каменных орудий нижнего и среднего палеолита лежал исключительно «имитативный рефлекс» (Поршнева 2007: 225). Затем автор обращается к некоторым трудам психологов, затрагивавших тему оперирования орудиями у животных и человека — и особо выделяет труд Л. С. Выготского. Вслед за этим последним он констатирует: «...Оперирование орудиями у высших обезьян... происходит не на уровне представлений, а только в сенсорном поле, т. е. является сугубо оптическим разрешением задачи» (с. 62). Именно здесь, по мнению автора, надо искать «глубинную психофизиологическую основу» трудовой имитации. «Из этого следует, что стереотипность каменных изделий

нижнего и среднего палеолита не имеет ничего общего с мышлением и сознанием... (курсив наш. — Авт.)» (с. 62–63).

Стоп! Стоп! Давайте перечитаем! Только что речь шла о дискуссионных выкладках Б. Ф. Поршнева, основанных на устаревших материалах и хотя бы поэтому требующих перепроверки. Затем цитировался Л. С. Выготский, справедливо объяснявший «разумные» действия шимпанзе наличием у них способности к имитации и яркому «эйдетическому» запоминанию отдельных моментов (что характерно и для маленьких детей). И что же: *из этого* следует вывод об отсутствии мышления и сознания в раннем и среднем палеолите?!

По нашему мнению, подобного рода «логическая цепочка» обнаруживает лишь одно: отсутствие элементарной логики у самого автора. Однако «полет мысли» П. А. Куценкова на этом не останавливается! Он идет дальше: «...Стереотипность характерна и для верхнепалеолитических орудий; следовательно, существование какого-либо “плана” у их создателей по меньшей мере сомнительно. А *раз так*, то и палеолитические изображения появлялись вовсе не в результате исполнения заранее продуманного плана... (курсив наш. — Авт.)» (с. 63).

Логика тут примерно такова: «Моя кошка рыжая. Она мяукает и лакает из блюдечка молоко. Моя жена тоже рыжая. Следовательно, она должна мяукать и лакать из блюдечка молоко». Но... рыжая жена лакает молоко не по-кошачьи, а, если мяукает, то разве что в шутку! Стереотипность в высшей степени характерна и для современной человеческой деятельности. Так что же — мы обезьяны?

Через 60 страниц, уже в ином разделе книги П. А. Куценков возвращается к проблеме орудийной деятельности в верхнем палеолите, вновь повторяя, что установление связей между простыми операциями «вполне осуществимо на уровне сенсорного поля... что в принципе доступно и шимпанзе» (с. 122). При этом он пытается подкрепить свои суждения наблюдениями психиатров:

«...Объединение иголки с ниткой современным психотиком и помогает понять, каким образом кроманьонец мог делать составные орудия вроде деревянных копий с кремневыми наконечниками, не умея создать отвлеченное представление о “камне” или “дереве” вообще. Ему достаточно было видеть, как другой индивид “совмещает” каменный наконечник с деревянным древком и “ввести” реальные предметы в зрительное поле, совместив его с эйдетической картиной ранее виденного...» (с. 123).

Отбросим голословное утверждение, что «кроманьонец» якобы не создавал отвлеченных представлений о «камне» или «дереве» вообще: оно решительно ничем не обосновано. А вот реальные археологические факты, касающиеся орудийной деятельности в палеолите, явно разрушают все построение П. А. Куценкова.

Начнем с того, что иголка с ушком (разумеется, костяная) была изобретена человечеством уже в раннюю пору верхнего палеолита — 40–30 тыс. л. н. (пещера Мезмайская на Кавказе, стоянки городцовской культуры в Костенках и др.). Для того же периода достоверно зафиксировано изготовление сложной одежды, сшитой из кожи, замши и меха и богато украшенной узорами из нашивных костяных бусин. Наиболее яркую и достоверную информацию об этом дают погребения Сунгирия (28–23 тыс. л. н.). Впрочем, находки просверленных украшений, в том числе явно предназначенных для нашивания, встречаются и на памятниках более раннего времени — по меньшей мере, 40 тыс. л. н. (Костенки 17, слой II) (Аникович и др. 2008: 116, 127–128).

Тогда же, в раннюю пору верхнего палеолита, были изобретены весьма сложные орудия из кости и дерева с составными вкладышевыми лезвиями. Древнейшие находки таких орудий с искусственно прорезанным продольным пазом, предназначенным для вкладышей, известны уже на памятниках, датируемых не позднее 40 тыс. л. н. (Костенки 14, слой IVБ). Более простые составные орудия — такие, как упомянутый П. А. Куценковым дротик с каменным наконечником — широко употреблялись не только в верхнем, но и в среднем палеолите!

Спрашивается: причем тут эйдетика и имитация? Каким образом яркие, но «разорванные» эйдетические картинки, засевшие в мозгу несовершенного человекообразного существа, могли позволить ему соединить в одном предмете камень и дерево, камень и кость, да еще использовать при этом смолу, кожу и другие материалы? Откуда могла возникнуть сама идея их *совмещения*? Имитативный рефлекс тут явно ни при чем. Он по определению подразумевает наличие *образца*. Но иголки с просверленным ушком, бусины, подвески, составные вкладышевые ножи и наконечники не возникают в природе сами по себе. При отсутствии природного образца для имитирования необходимо, чтобы таковой был изобретен, т. е. создан в результате *творческого акта*. А это уже чисто человеческая форма деятельности.

Для того, чтобы психотик «эйдетически» совместил иголку с ниткой, нужно, чтобы кто-то (уж не сам ли психотик?) сначала *изобрел и изготовил* упомянутые иголку и нитку, а потом успешно использовал их на практике. Иными словами: чтобы совмещать что бы то ни было на эйдетическом уровне, необходимо, чтобы это нечто уже появилось и проявило себя на уровне понятийном. Кстати, результатами экспериментально-трасологического и технологического анализов ныне уже *доказано*, что объяснить орудийную деятельность нижнего и среднего палеолита имитативным рефлексом невозможно. Советуем нашему оппоненту заглянуть если не в специальную литературу, то хотя бы в популярную книжку П. В. Волкова (Волков 2010).

Рассмотрим теперь второй «краеугольный камень», на котором строятся все рассуждения П. А. Куценкова о палеолитическом человеке и его искусстве. Таковым является уже упомянутая выше гипотеза Н. Хамфри о принципиальных отличиях мышления верхнепалеолитических художников от мышления современного человека. Основой для создания этой концепции стал интересный, но, в сущности, единичный факт — феномен изобразительного творчества английской девочки Нади из Ноттингема. Надя страдала ранним детским аутизмом (РДА), не могла полноценно общаться с окружающими, не владела членораздельной речью. Тем не менее, в возрасте 3–6 лет она создавала интересные реалистические рисунки, иногда рождавшие у зрителей ассоциации с верхнепалеолитическими.

Н. Хамфри не сомневался, что какие бы то ни было абстрактные понятия совершенно недоступны маленькой девочке-аутисту. Следовательно, ее восприятие предметов изначально не было опосредовано символами. В основе необычайной реалистичности рисунков Нади, не характерной для здоровых детей ее возраста, лежали, по мысли ученого, аномалии развития — в первую очередь, отсутствие речи и характерная для аутистов уникальная зрительная память. Следующим шагом в его рассуждениях стало проведение аналогии с творчеством верхнепалеолитических художников. По мнению Н. Хамфри, это искусство имело много общего с рисунками Нади.

В книге П. А. Куценкова выводы, сделанные его предшественником, подаются уже не как гипотеза, а как непреложно установленный факт. Если привести его высказывания в единый логический ряд, то упомянутыми общими характеристиками двух «феноменов» можно считать следующие:

- а) «единичность изображений и разорванность контекстуальных связей (кроме связи по примыканию)» (с. 63);
- б) отсутствие какой бы то ни было композиции, «поскольку отсутствует важнейшее ее качество — упорядоченность поля изображения» (с. 54);
- в) полное отсутствие «обобщенных образов» (с. 55), невозможность обнаружить «...ни одно изображение, которое можно было бы без сомнений трактовать как обозначение целого класса каких-либо животных или человека» (с. 122).

В связи с этим возникают два вопроса. Во-первых, насколько изобразительное творчество Нади из Ноттингема можно считать характерным для творчества детей-аутистов вообще? Если да, то почему и у Н. Хамфри, и у П. А. Куценкова речь идет именно о «феномене», а не о более-менее широком, исследованном явлении? А может, мы просто имеем тут уникальный случай детской одаренности³?

Второй вопрос заключается в том, насколько перечисленные выше характеристики действительно приложимы к верхнему палеолиту? Отметим сразу: то, что Н. Хамфри и П. А. Куценков называют «палеолитическим искусством», в действительности, представляет собой явление, связанное с одним, достаточно ограниченным регионом — Франко-Кантабрийским. Утверждение П. А. Куценкова, что «памятники древнейшего искусства *рассыпаны тут и там по поверхности нашей планеты* (курсив наш. — Авт.)» (с. 12), абсолютно не соответствует действительности. За пределами упомянутого региона Юго-Западной Европы пещерная живопись встречается крайне редко, причем в эстетическом отношении даже знаменитые изображения Каповой пещеры сильно уступают франко-кантабрийским шедеврам. Таким образом, мы и здесь имеем дело с *изолированным культурным феноменом, а вовсе не с общим «этапом развития палеолитического человечества».*

Знакомясь с безапелляционными утверждениями автора об отсутствии в палеолитическом искусстве композиции, обобщенных образов, стилей и т. д., можно только гадать: **что это?** Результат гомерического невежества в тех вопросах, о которых он пишет, или намеренное игнорирование решительно всего, что хоть сколько-нибудь противоречит его построениям?

Ныне достоверно установлено: символические изображения, знаки, сложные орнаменты (в том числе меандр!) развивались в палеолите *параллельно* с реалистическими изображениями! Более того: стилизованные изображения

³ Заинтересовавшись проблемой, мы обратились к специальной литературе и, в частности, к опубликованным в интернете рисункам детей с диагнозом РДА. Оказалось, что их изобразительная деятельность весьма разнообразна — от самых беспомощных штриховых каракулей до прекрасных, композиционно упорядоченных рисунков. Ничего даже отдаленно напоминающего изобразительное творчество Нади из Ноттингема нам обнаружить не удалось. Что касается предположения об обязательном отсутствии у детей-аутистов, не освоивших речь, способности к абстрактному мышлению, то оно вызывает большие сомнения. Уже были зафиксированы случаи, когда за внешностью и реакциями «имбецила» вдруг открывались богатый внутренний мир и внутренняя речь, долго остававшиеся нераспознанными (<http://www.biblioteka.freepress.ru>).

в ряде случаев оказываются *древнее* реалистических. Достаточно вспомнить образцы фигуративного искусства, связанные с памятниками центральноевропейского ориньяка (Фогельхерд, Холленштейн-Штадель), а также городцовой культуры (Костенки 14, слой II), стрелецкой культуры (Сунгирь) и др. Их возраст по ¹⁴C составляет ~30–23 тыс. л. н.

При всех различиях они обладают и общими признаками: это именно *стилизированные образы* «мамонта вообще», «лошади вообще», «бизона вообще» и т. д., а также человека и фантастического существа — человекольва. Все эти фигурки говорят о высокоразвитом эстетическом чувстве (особенно пластика Фогельхерда), об уровне абстрагирования (часть вместо целого: голова волка на навершии фибулы из Костенок 14, слой II), о достаточно сложных образах (человеколев). Еще ярче образное мышление палеолитического человека проявилось в мелкой пластике и орнаментах Мезинской стоянки, буквально пронизанных сложной символикой (21–15 тыс. л. н. по ¹⁴C).

Далее: как можно говорить о единичности, об отсутствии «упорядоченности поля изображения» в палеолитическом искусстве, зная такие шедевры, как плывущие олени и лососи из грота Лартэ, пасущийся олень из Твингена, два оленя из Фон-де-Гома, объединенные в удивительно изящную композицию? Как можно говорить об отсутствии стилей, не утрудив себя хоть сколько-нибудь обоснованным разбором концепций А. Брейля и А. Леруа-Гурана?.. Видимо, П. А. Куценкова такие «детали» не беспокоят. Его принцип не нов: «Я одарил вас гениальной концепцией, а в мелочах копайтесь сами». Что ж, из-за ограниченного объема рецензии у нас тоже нет возможности детально сосредоточиться на «мелочах». Но для любого археолога, серьезно занимающегося палеолитическим искусством, ложность куценковских «постулатов» вполне очевидна.

Л. Б. Вишняцкий, в целом благожелательно рецензировавший работу Н. Хамфри, тем не менее, указал ее основной недостаток. По его словам, эта концепция «...учитывает лишь сравнительно малый круг подобранных фактов, игнорируя большую часть того, что известно о культуре верхнего палеолита... и в целом она вряд ли выдержит серьезную критику...» (Вишняцкий 1999). В еще большей степени данное высказывание относится к работе П. А. Куценкова.

Безусловно, за пределами сообщества археологов-палеолитоведов дилетантские публикации на тему палеолитического мышления и искусства не могут встретить серьезной критики. Более того, есть опасность, что, будучи растиражированы в интернете, именно они станут формировать отношение к предмету в кругах ученых-«смежников» (психологов, социологов, искусствоведов и т. д.). Это делает вдвойне необходимой их своевременную профессиональную оценку.

Литература

- Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. 2008. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История.
- Вишняцкий Л. Б. 1999. Новое объяснение натурализма пещерной живописи // Природа 5. 117–118.
- Волков П. В. 2000. Новые аспекты исследований в экспериментальной археологии палеолита // АЭАЕ 4. 30–37.
- Волков П. В. 2010. От Адама до Ноя. Археология для православных. СПб.
- Поршнев Б. Ф. 2007. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. СПб.: Алетейя.
- Humphrey N. 1998. Cave art, autism, and the evolution of the human mind // Cambridge Archaeological Journal 8. 165–191.